

КРИВОТОПЬ

ПЕРЕВЁРТЫШ

От автора бестселлера «Джекаби»

УИЛЬЯМ РИТТЕР

Уильям Риттер
Кривотопь. Перевёртыш
Серия «Кривотопь», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64107811

У. Риттер. Кривотопь. Перевёртыш: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-17-114934-5

Аннотация

Магия покидает Дикую Чашу, где живёт волшебный народ. Вернуть её можно лишь одним способом – украв человеческого малыша и оставив вместо него гоблина-перевёртыша. Под покровом ночи гoblin Кулл проникает в дом Энни и Джозефа Бёртонов, но всё идет наперекосяк, и родители обнаруживают в колыбели не одного, а двух совершенно одинаковых младенцев!

Тринадцать лет спустя братья-близнецы Тинн и Коул получают странное письмо: в нём говорится, что перевёртыш должен как можно скорее вернуться к своим сородичам, а иначе он и весь волшебный народ исчезнут с лица земли. Но о ком из братьев идёт речь? Мальчикам не остаётся ничего другого, кроме как вместе отправиться в путешествие через опасную Кривотопь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Уильям Риттер

Кривотопь. Перевёртыш

William Ritter

The Oddmire. Book One: Changeling

© 2019 by William Ritter

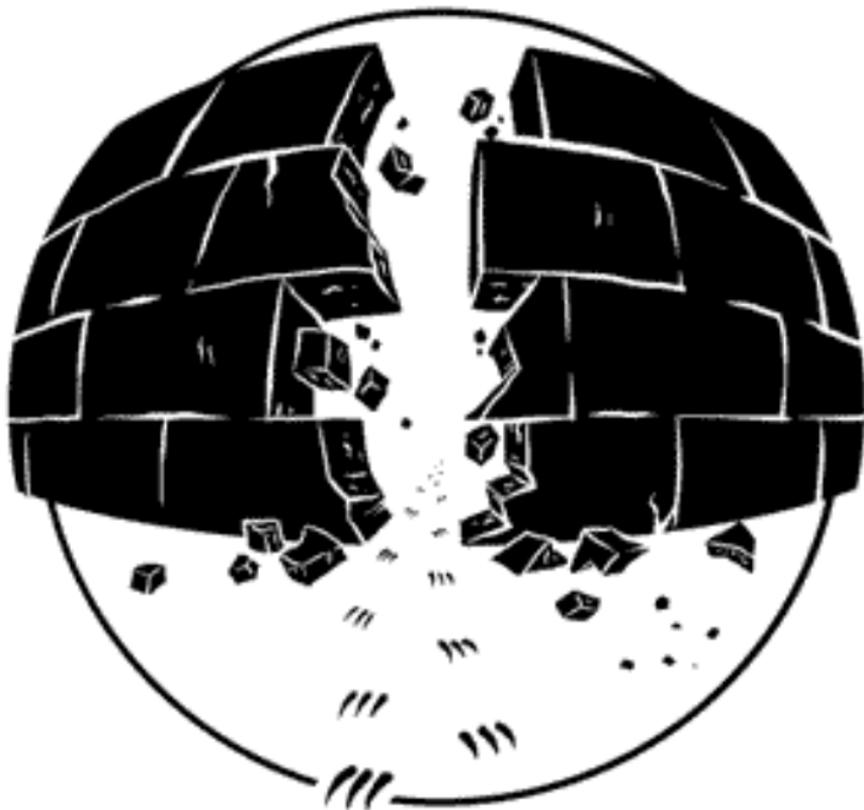
© В. Удалов, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Джастину и Джеку, навсегда

Пролог

Когда-то очень давно люди, фейры, эльфы, дельфины и все остальные разумные существа, населявшие мир, надоели друг другу – и это понятно, ведь в те времена все ра-

зумные существа были весьма бестолковыми. После долгих препирательств они решили разделить мир и построить что-то вроде магической стены между двумя его половинами. На человеческой стороне жизнь подчинялась логике, разуму и законам природы. Это был честный мир борьбы и труда. На другой стороне правили силы более древние, чем любая земная наука. Это был мир магии, безумия и первозданных сил. Люди нарекли свою половину Землёй, а магические создания свою – Аннуин (кроме гномов, которые называли её *Пиппин-Гильеуппл*, – и это стало одной из многих причин, по которой все по обе стороны стены и по сей день недолюбливают гномов).

Стена стояла много веков, словно завеса между двумя мирами, невидимая, но нерушимая. Ни одна из сторон не могла ни увидеть другую, ни дотронуться до неё, и со временем многие существа совсем забыли, что есть и другой мир. Так продолжалось до тех пор, пока шайки бродяг не довели закипавшую вражду до неуправляемого бурления и не грянула новая война. Оказалось, что без нормального руководства разумные существа так и остались бестолковыми. Финальная битва пробила в невидимой разделительной стене огромную зияющую дыру. Когда пыль осела, некоторые предложили поставить на дыру заплатку, а другие посчитали, что барьер надо вообще убрать. За шумом и гамом никто не заметил, что Существо, которое находилось *внутри* стены и которое, более того, возможно, являлось самой *сутью* этой

стены, куда-то исчезло. Никто не обратил внимания, как Существо, которое до этого многие века прислушивалось, прильнув к трещинам в стене и становясь всё более и более голодным, проскользнуло мимо развалин через залитое кровью поле боя. Никто не увидел, как оно тихо заползло в лес.

Существо двигалось между деревьями и хваталось за тени, заворачиваясь в окружающую тьму, словно в полы мантии. Оно не знало солнечного света, или пения птиц, или пахнущего медовым цветом ветерка, или даже звука собственного имени. Если у Существа и было имя, то оно никогда не слышало, чтобы его кто-то произносил.

Существо пронеслось мимо замшелых валунов, между вздымавшихся деревьев и над тем местом, где простиралась душная, мутная Кривотопь. Наконец оно добралось до самой середины Дикой Чащи и остановилось передохнуть. Деревья здесь стояли более тесно, а воздух был недвижим. Даже птичьи голоса замерли вдали. Тени здесь оказались плотными и тяжёлыми, и Существо стало их жадно собирать.

Оно знало про тени всё. В том пространстве между мирами, которое не ведало ни солнца, ни звёзд, тени были настолько абсолютными, что даже теряли форму. Весь мир, в котором обитало Существо, являлся тенью. Тенью была вся его жизнь, и оно ощущало себя в ней невыносимо маленьким. Но в этом новом месте тени оказались другими. Они готовы были выполнять его волю, эти могучие тени камней, валунов и высоких сосен. Вырывааемые из них куски удобно

сплетались на спине Существа. Оно чувствовало себя сильным. Под своей накидкой, сделанной из мрака, Существо начало принимать новые формы. Огромные формы. Жуткие формы. Но всё же оставалась одна тень, которая мешала Существому словно заноза, – его собственная тень. Лишь жалкое подобие Существа, эта тень преследовала его, цеплялась к нему, будто дразня своей ничтожностью. Существо запустило лапы в лесную почву, и какое-то время единственным звуком было лишь царапание невидимых когтей, впивавшихся в землю. Когда яма стала достаточно глубокой, Существо вонзило когти в самого себя. Оно рвало, кромсало, наконец осторожно опустило собственную отсечённую тень в холодную землю и засыпало эти жалкие обрезки. И вокруг разлились потоки тьмы, словно весь лес был свежей, чистой салфеткой, по которой расплывалось чернильное пятно.

Тьма сгустилась.

Существо поднялось во всю высоту, потом ещё выше и ещё. Собранные им бесчисленные тени волнами колыхались на ткани его плаща, словно колосья на ветру. Теперь Существо могло стать всем, чем пожелает. Оно уже не вернётся назад.

Тьма, растекаясь по лесу, загустевала и превращалась в спирали и узлы диких лиан. На их поверхности вырастали мерзкие шипы. На минуту воцарилась тишина. Лес замер. А потом тьма начала расползаться.

Глава 1

Городок под названием Эндсборо был странным местечком, притулившимся на краю того, что с натяжкой можно было назвать цивилизацией. Густой лес, известный местным

жителям как Дикая Чаша, окружал городок подобно тому, как большая собака сворачивается калачиком вокруг щенка. С остальным миром население Эндсборо связывала единственная извилистая дорога. За два дня пути на доброй лошади можно было добраться до Заставы Кобба и оттуда – до густонаселённого города под названием Глэнвилль, где царил прогресс. Газовые светильники там уже исчезали, и их место занимали роскошные электрические фонари. Это притом что тихий Эндсборо ещё не добрался даже до газа. У его обитателей сложилась практичная привычка ложиться спать, когда солнце садилось, и вставать, когда оно поднималось. Эндсборо был прямолинейно прост.

* * *

В городке располагались лесопилка и угольная шахта. Ещё имелись небольшие яблочные сады и больше коров, чем, если уж говорить по-честному, кому-нибудь было нужно. Посредине находился кирпичный дом, который служил школой в будние дни, церковью – по воскресеньям и залом для собраний – по субботам. Это был незатейливый городишко, который слышал о технологии и прогрессе, но решил, что всё это слишком утомительно.

Все знали, что в лесу жили чудовища: огромные великаны, тролли и гоблины, которые тёмной ночью выкрадывали маленьких пухленьких младенцев и уносили их в лес навсе-

гда. Тяжёлые испытания ожидали любого смельчака, который решился бы пересечь опушку и устремиться в неизвестность. Чего жители Эндсборо как раз и не делали. Эндсборо был просто не из числа тех, кто ищет беду на свою голову. Но беда сама нашла путь в Эндсборо.

Однажды тёплой летней ночью беда затаив дыхание тихо выбралась из Дикой Чащи и прокралась на цыпочках к домику на окраине городка. Замерев у заднего окна, она прислушивалась, терпеливо дожидаясь, пока все внутри не заснут. И тогда, убедившись, что её не заметят, беда начала действовать.

* * *

Кулл прокрался вдоль задней стены, перебегая из одной тени в другую и прижимая к груди свой драгоценный свёрток. Он не хотел ничего плохого – ну, то есть в основном, по крайней мере, по гоблинским меркам. Его уши с острыми кончиками приподнимались при каждом звуке, а щербатые зубы нервно стучали.

То, что он делал, нельзя назвать предательством. Это просто традиция. И это было необходимо. Ну да, предводитель гоблинов распорядился, что человеческий мир должен теперь стать абсолютно недоступным, и да, был разговор об ужасном позоре, о мучениях и что-то ещё о внутренностях – и это касалось любого члена гоблинской орды, который

вторгнется в мир человека, — но разве *человеку* принадлежала эта тихая тёмная комната, в которую прокрался Кулл той ночью? *Человек* не поместился бы в эту крошечную колыбельку и не стал бы играть в эти цветные погремушки и мягкого игрушечного барашка, так ведь?

Кулл собирался украсть этого младенца. Кража младенцев — как раз то, что гоблины и делали или должны были делать. В любом случае *раньше* делали.

Вздыхая, Кулл одной рукой подтянулся к открытому окну, всё ещё обхватывая свёрток другой. Может быть, именно потому, что они *не* крали младенцев, орда оказалась в столь плачевном положении. Предводитель Надд был слишком мягок. Он мыслил слишком современно. Был слишком слаб. Да, иногда Надд грозился сварить их носы и завязать в узел пальцы на ногах, но в последнее время редко выполнял эти угрозы. Он слишком много якшается с людьми — вот в чём проблема. Слишком мало внимания уделяет похищению младенцев.

Как можно тише Кулл соскользнул с подоконника на пол. В комнате пахло мылом и тальковой присыпкой.

Постоянные причуды предводителя ещё можно было терпеть, пока орда процветала, но теперь всё изменилось. Кулл чувствовал это. Предводитель чувствовал это. Каждый гoblin в орде чувствовал это. Медленно, но верно магия покидала Дикую Чашу. Медленно, но верно орда умирала. Одно дело — сидеть и ничего не делать, когда ничего и нельзя

сделать, и совсем другое – сидеть и ничего не делать, когда решение само идёт в руки.

Тряпичный свёрток в руке Кулла шевельнулся, и он почувствовал, как крошечные мягкие пальчики обхватили его большой палец. Он посмотрел на свёрток. В горле у него пересохло. Перевёртыш – вот ответ.

Перевёртыш – это не просто гоблин, который может преобразиться в человека. Перевёртыш – это живое воплощение гоблинской магии, символ силы и возможностей, надежда. Неслучайно перевёртыш родился именно тогда, когда дела пошли совсем плохо. Предводитель Надд подвёл их, но именно из-за его ошибки появился луч света – этот ребёнок.

Орда не производила на свет перевёртыша – настоящего перевёртыша, а не просто гоблина в парике и одежде – со времён Гадкого Василиска. Тогда предводителем был ещё отец Надда. Старик ни за что не стал бы раздумывать, что делать, если в орде родился бы перевёртыш. Он был истинным гоблином, сохранившим верность Старым Устоям. И теперь, когда его уже нет, кто-то должен сделать так, чтобы Старые Устои не оказались забыты.

По правде говоря, Кулл сам помнил только часть Старых Устоев. О многих из них он вообще ничего не знал, но готов был собственную руку отдать – ну, или чью-нибудь уж точно отдал бы, – чтобы отстоять те отрывки, которые помнил, и Предводитель Надд и все прочие ещё поблагодарят его, когда всё будет сделано. Но пока что он действовал в одиночку.

Раз Кулл решил возродить древние традиции, ему надо было разобраться с деталями самому, и очень быстро.

Мягкий розовый младенец в колыбельке уже начал шевелиться. Кулл рассчитывал утащить маленького человечка назад в Дикую Чашу, пока тот ещё не начал плакать, а вместо него оставить перевёртыша. Затем последует обычный обмен с фейри – Куллу ещё придётся раскопать древние контракты, чтобы выяснить все подробности. Он не помнил точно, как всё происходит, но совсем скоро человеческий младенец окажется на другой стороне завесы, а к этому младенцу вернётся магия. Сколько времени перевёртышу надо будет жить среди людей? Кулл подумал, что там была цифра «три». Или, может, «семь»? То, что это был важный момент, он точно помнил. Но утомительные детали вроде чисел, обрядов и необходимого порядка действий могли и подождать, пока он не украдёт ребёнка и не вернётся домой в лучах славы.

Кулл напоминал себе, что дело было не просто в похищении детей и не в весёлом хаосе, который маленький перевёртыш устроит здесь после подмены. Дело было в благополучии орды, в традиции. Мир гоблинов нуждался в магии, совсем немного, чтобы просто хватало. Им нужно было вернуться к древним ритуалам. Им нужны были Старые Устои. Им нужен был этот младенец.

Кулл со своим свёртком забрался в манеж и осторожно положил двигавшего ручками и ножками перевёртыша на мягкую подстилку. Он был самой большой редкостью, кото-

рая появляется в их роду раз в поколение, и Кулл добьётся того, чтобы перевёртыш выполнил свою миссию, пока Надд ещё не лишил его возможности творить всякие чудесные безобразия. В его руках младенец, по крайней мере, выглядел скорее как гоблин – хотя гоблин с кожей, похожей на дым и тени, но теперь она дрожала и шла рябью, словно живой мираж. Кожу покрывали крапинки, и она вздувалась, как старые обои, а потом приобрела цвет вишнёвого дерева, из которого была сделана кровать, и стала пушистой, как детское одеяльце.

До этого Кулл переживал, что превращение не сработает без правильных слов, но сейчас он заулыбался во весь свой щербатый рот: магические инстинкты брали своё.

Где-то в глубине дома скрипнула половица. Кулл замер, все его чувства обратились к двери, ведущей в коридор. Надо было запереть её. Но она осталась приоткрытой, и теперь к ней приближались мягкие шаги. Промелькнула тень. Вдох застрял у Кулла в горле, глаза расширились.

Дверь распахнулась внутрь, и толстый чёрный кот лениво зашёл в комнату. Он взглянул на гоблина, который неподвижно стоял в манеже, а потом уселся на ковёр и стал безучастно наблюдать за происходящим, подёргивая хвостом.

Кулл снова начал дышать. Всё хорошо. Взрослые люди всё ещё спали. Он вновь обернулся к манежу, чтобы стать свидетелем великого чуда, порождённого его гордой древней культурой. На гоблина смотрели два младенца с носиками-пугов-

ками и пухлыми розовыми щёчками.

Свершилось! Перевертыш всё сделал даже лучше, чем Кулл мог себе представить. Воплощение было полным! Теперь Куллу оставалось только выхватить беспомощного младенца из его уютной кровати и тайком унести в Глубокий Мрак, оставив вместо него двойника. Но тут сначала один ребёнок причмокнул губами, потом – другой. Затем тот потёр щеку, потом – первый.

Кулл засомневался. Он всмотрелся в мягкое личико, которое оказалось ближе к нему, потом – в другое личико. Которое из них? Он ткнул в первого ребёнка своим костлявым пальцем. Оба младенца разом заплакали. Кулл сжался.

В глубине коридора щёлкнула, открываясь, дверь, и слышался усталый женский голос:

– Наверное, он просто проголодался. Ты спи. Я его уложу потом.

У Кулла началась паника. Дрожащими руками он взял ближайшего к нему ребёнка, потом положил его обратно и обхватил пальцами того, что лежал дальше. Младенцы закричали и задвигали толстенькими ножками. В груди у Кулла застучало. Который из них?

Он переступил с ноги на ногу. Звук шагов приближался. Который? Который? Гоблин перевёл взгляд с двери на детей, опять на дверь, снова на детей, потом...

Дверь открылась со звуком, похожим на мяуканье котёнка.

– Тихо, маленький. Мама здесь, – успокаивающе проговорила миссис Бёртон. Она подошла к кровати. Занавеска заколыхалась от прохладного ночного ветерка. Миссис Бёртон замерла на месте. Миссис Бёртон смотрела во все глаза.

Когда в окнах дома замелькал свет, Кулл уже прорвался через кустарник в Дикую Чашу. Ноги его бежали, сердце стучало, голова была переполнена, а руки – пусты.

Глава 2

Близнецы.

Энни Бёртон точно помнила, что родила только одного ребёнка. Одного. Ведь она там присутствовала. Она посчитала.

Десять пальчиков на руках, десять пальчиков на ногах, один младенец. А сейчас... близнецы.

В то первое утро случилось много разговоров, и уже к полудню дом наполнился шумными зеваками. Пастор Льюис принёс чётки. Старый Джим посыпал солью всё в доме. Любопытная миссис Граус, которая жила через дорогу, оказалась первой, кто произнёс вслух это слово.

– Гоблины. Клянусь, это гоблины. Раньше они уже украли младенца. Вот прямо здесь, в Эндсборо. Об этом всё время говорили. Моя бабушка знала ту семью.

– Хелен, пожалуйста, – начала Энни, но миссис Граус не слушала её.

– Однажды здесь родился ребёнок, и гоблины украли его. Так рассказывали. Это была красивая девочка с восхитительными ямочками и густыми завитками тёмно-каштановых волос, и гоблины просто пришли и унесли её.

– Во времена моего детства говорили, что это фейри, – вставил старый Джим Уорнер.

– Нет, это гоблины, – продолжала миссис Граус настойчиво. – И вместо того младенца они оставили своего перевёртыша. Это было ужасно. Монстр в человеческом обличье. Три дня родители ребёнка кормили это мерзкое существо, тряслись над ним, думая, что оно от их плоти и крови. А потом, однажды утром, гoblin уже не мог скрываться. Он проявил себя. Разнёс в щепки детскую, вопил как резаный, а когда испуганные родители пустились бежать, то насмерть

убил мужа на глазах у его бедной жены. Это свело её с ума. Рассказывают, что она погналась за этим злодеем в лес и так никогда и не вернулась.

– Ты все рассказы перепутала, – проворчал Старый Джим. – Это легенда о Ведьме из Дикой Чащи. И потом, у неё не было никакого мужа. Она была одинокой матерью, и феяри пришли и украли её единственную дочь, но никто в городе не поверил ей. Потом, когда она пошла в лес, чтобы вернуть своего младенца, феяри наложили на неё заклятие, чтобы она навсегда осталась бродить в Глубоком Мраке и хватать чужих заблудших детей вместо собственного ребёнка.

– Это были гоблины, – заявила миссис Граус с напором.

– Феяри, – выдохнул Старый Джим.

– Всё это рассказы, – заключила Энни Бёртон. – Вы с ума сошли? Они не монстры. Они просто дети.

– *Один* из них – монстр, – упорствовала миссис Граус.

– Если в лесу действительно живёт ведьма, – произнёс Джозеф Бёртон, сохраняя мужественное выражение лица, – и её дитя попало к... магическим созданиям, то она, может быть, всё ещё там. И, может быть, знает, как распознать перевертыша.

– Никаких ведьм в лесу нет, – возразил пастор Льюис.

Это было первое, что этот пожилой человек произнёс с тех пор, как вошёл в дом, и голос его оказался низким и тихим.

– Ведьмы там никогда не было. Это была просто женщина.

В комнате воцарилось молчание, и все взгляды обратились к стареющему пастору.

– Эти истории неверны, – продолжал он. – Существовала женщина, которая жила одна в лесу, это правда. Не знаю, фейри это были, гоблины или ещё кто, – я думаю, её погнало туда обыкновенное горе. Я повстречал её только один раз, когда был ещё молод. Я шёл по тропинке в лесу и сбился с пути. Женщина оказалась настоящей – и грустной. Она пережила огромную потерю. Бедняжка, ей просто хотелось, чтобы её оставили в покое.

– Но если хоть что-то из этого правда... – Джозеф Бёртон решил не заканчивать фразы. Его взгляд остановился на заднем окне и качавшихся за ним деревьях.

– Уже тогда женщина казалась довольно старой, – заметил пастор мягко. – Я уверен, она уже давно умерла, упокой Господь её душу. Что не помешало историям о ней превратиться в полный вздор.

– Это не вздор, – промолвил Старый Джим.

В этом миссис Граус, похоже, была с ним согласна.

– Конечно, не вздор. Достаточно заглянуть в этот манеж, – настаивала она. – Это неестественно. Это неправильно. Клянусь, это гоблины. Это перевёртыш.

Никто не хотел спорить с суеверной женщиной, но при этом никто не мог утверждать, что она ошибалась. Невозможно было жить рядом с Дикой Чащей и не верить хотя бы в часть этих историй.

Потом они жгли шалфей и тыкали в обоих младенцев серебряными ложками, но те только чихали, смеялись и отмахивались. Никто в городе толком не знал, как должен выглядеть перевёртыш. Наконец кто-то придумал обратиться к одному эксперту из Нью-Фидлема, о котором они слышали. *Железо* – таков был совет эксперта, полученный по почте: *прикоснитесь к младенцам железом в течение первых трёх дней*. Пока этот совет до них дошёл, прошло семь дней. Всё равно попробовали так сделать, но оба младенца только вцепились ручками в кочергу и измазали сажей все пелёнки.

Наконец, после недели споров и раздоров, было решено (за неимением лучших предложений) просто подождать. Рано или поздно гоблинский ребёнок проявит свою истинную сущность. Ведь гоблин не может не начать творить всякие безобразия. Просто надо быть начеку и внимательно следить. Тем временем Бёртоны будут заботиться об обоих мальчиках как о своих собственных.

Мало-помалу соседи перестали заходить, чтобы поглазеть и посудачить. Но однажды вечером миссис Граус задержалась.

– Гоблин, Энни, – напомнила она совершенно без нужды, перед тем как уйти с наступлением ночи, – ужасный гоблинский перевёртыш спит рядом с твоей кровиночкой.

– Спокойной ночи, Хелен.

Мальчики действительно спали рядом друг с другом, когда Энни зашла к ним. Она не могла не заметить, что её соб-

ственный ребёнок – кто бы из них это ни был – стал лучше спать после появления таинственного близнеца. Было такое ощущение, что им обоим спокойнее от присутствия друг друга, а по отдельности они начинали капризничать. Когда она пыталась перенести их в разные комнаты, они начинали беспрестанно плакать, но сразу затихали, когда снова оказывались вместе, и вскоре уже мирно посапывали во сне. Она подолгу смотрела на них, прислушиваясь к размеренному ритму их дыхания.

До тех пор пока естественная склонность перевёртыша к безобразиям не выдаст его, она решила оставить всё как есть, включая самих мальчиков. *Её* мальчиков.

«Нет смысла торопить события, – думала Энни, глубоко вздыхая. – Ведь скоро правда сама выплывет наружу».

Глава 3

Прошло двенадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать восемь дней с тех пор, как один ребёнок Энни Бёртон превратился в двух детей. К этому времени она сама узнала то,

что могли бы рассказать ей, молодой матери, более опытные родители: безобразия свойственны и гоблинской породе, и просто растущим детям примерно в равной мере. Это затягивало решение вопроса на гораздо более длительное время, чем она ожидала.

Энни Бёртон была не из тех женщин, кого может выбить из колеи небольшая превратность судьбы. Судьба же, похоже, восприняла это как вызов. Прошло двенадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать *один* день с тех пор, как Энни Бёртон стала вдовой.

Некоторые сплетники в городе считали, что она не столько вдова, сколько брошенная жена: Джозеф Бёртон в тот вечер точно ушёл с работы живым и просто не вернулся домой. Но Энни отказывалась верить, что её муж оставил бы её одну с двумя кричащими, лежающими, хватающимися за всё, растущими мальчишками по какой-либо менее существенной причине, чем собственная кончина. Энни знала, что она вдова. То, как она говорила об этом: с выдвинутой вперёд челюстью и напряжённо прищуренными глазами, – заставляло горожан надеяться, ради блага её же мужа, что она права.

Энни вытерла пот со лба и потянула обеими руками. Длинный упрямый куст терновника, за который она держалась, наконец поддался и вырвался из земли с корнем. Она с удовлетворением, глубоко вздохнула и дёрнула, выпутывая зловредные ветки из просветов между досками в заднем заборе. Когда они с Джозефом только переехали в этот малень-

кий домик, кустарник рос прямо до задней двери. Дюйм за дюймом из года в год она расчищала от него пространство. Когда мальчики подросли, то начали помогать ей, рубя заросли, словно сражались с драконом, сплошь усеянным шипами. Всем вместе им удавалось удерживать кустарник под контролем. Сейчас Энни стояла посреди сада, который они вырастили там, где когда-то господствовало это неукротимое растение. Этот кусок земли достался нелегко, и теперь она уже не позволит этой колючей твари снова захватить его.

Энни отбросила побеждённый куст на кучу других таких же. Когда она выпустила его, тонкий колючий кончик качнулся в её сторону и поцарапал щеку своими крошечными шипами.

– Это действительно было необходимо? – поинтересовалась женщина.

Словно в ответ с лужайки перед домом послышались голоса. Энни узнала их задолго до того, как они приблизились достаточно, чтобы можно было разобрать слова. Вытирая руки о передник, она ещё раз осмотрела сад, перед тем как туда ввалились мальчишки, и мысленно приготовилась к неизбежным пригоршням головастиков, разбитым коленкам (это всегда случалось с ними одновременно) или, что ещё хуже, потокам сообщений, что какой-то сосед, наверное, скоро придёт сюда, обвиняя их в диких вещах, в которых близнецы ну совершенно, абсолютно, никаким боком *не* были виноваты.

– ...тогда надо вернуться, – говорил один из мальчишек, приближаясь.

– Это ужасная идея, – отвечал другой.

– Что за ужасная идея? – спросила Энни, когда мальчишки вывернули из-за угла.

– Привет, мам! – сказал Коул немного громче, чем нужно.

– Сад выглядит отлично, мама, – добавил Тинн. – Тебе нужна помощь?

– Я хочу знать, что это за ужасная идея.

Близнецы посмотрели друг на друга.

– Картошка, – сказал Коул.

– Праща, – сказал Тинн одновременно с ним.

– Праща для картошки, – подытожил Коул. – Ужасная идея.

Тинн кивнул.

– Разбрасываться хорошими овощами.

Энни вздохнула.

– И именно поэтому я утром выгнала вас обоих из сада.

И чем вы занимались?

– Просто играли на нашем дереве у ручья, – ответил Коул.

Энни взглянула на Тинна, приподняв одну бровь.

– Да-да. У ручья. Мы уже собирались возвращаться. Я... –

Взгляд Тинна метнулся в сторону Коула и вернулся обратно к матери. – Я забыл свою кепку.

– И вы клянётесь, что сегодня вы даже близко не подходили к мельнице? – спросила Энни с нажимом. – И в шахту

не спускались?

– Да, мам, клянёмся, – заявили мальчишки хором.

Энни подозрительно посмотрела на Тинна, потом на Коула.

– Вы обещаете хорошо себя вести?

Мальчишки разом заулыбались и закивали.

Энни Бёртон сделала глубокий вздох как мать, слишком хорошо знающая своих детей и всё же любящая их.

– Жду вас назад до захода солнца, – сказала она, хотя последнее слово уже звучало в спины убежавших мальчишек.

– Спасибо, мам! – хором ответили они, обернувшись.

– И не смейте ходить в сад Старого Джима! – крикнула Энни вдогонку. – Я не хочу больше слышать о том, что вы двое опять туда забирались. Вы знаете, что может сделать этот человек.

– Никогда! – честно закричал в ответ Коул, бегом поворачивая за угол дома.

– Мы знаем правила, – закричал Тинн, бежавший на шаг позади своего брата.

Через десять минут мальчишки завернули к саду Старого Джима. Вдоль дорожки росли старые, кривые, заскорузлые деревья.

– Это действительно ужасная идея, – прошептал Тинн.

– Угу. Надо было подумать об этом до того, как ты оставил свою кепку на этой дурацкой яблоне, – ответил Коул.

– Но я же не нарочно! – простонал Тинн. – Старый Джим

почти поймал меня. Я еле успел вовремя слезть. Расцарапал всю ногу.

– На дереве расцарапал? А я свою – на заборе.

Они остановились, чтобы задрать штанины и сравнить царапины. Сколько близнецы себя помнили, они не только выглядели одинаково, но даже всегда умудрялись получать одинаковые ранения. Если один из них вдруг порежется, зацепившись за гвоздь, другой обязательно заработает царапину от кошачьих когтей или разбитого стекла.

– Это *ты* виноват, – проворчал Тинн, отворачивая назад штанину.

– Ну да, конечно. Это *твоя* кепка, – возразил Коул. – Если мы не проберёмся туда и не вернём её, Старый Джим найдёт её и всё расскажет маме. Если ты не хочешь проблем из-за того, что мы туда залезали, нам *надо* опять туда залезть.

– Ты такой тупица.

– Ага. И у этого тупицы *есть* кепка.

– Мог бы хоть притвориться, что это тебя не так сильно радует.

Коул только ухмыльнулся и зашагал быстрее.

Они сделали последний поворот и резко остановились.

Впереди, всего в ста футах от них, сам Старый Джим склонился над упавшей частью своего старого забора. Близнецы нырнули за ближайшее дерево.

– У меня есть идея, – прошептал Коул.

– Только не это, – ужаснулся Тинн.

– Да ладно. Он ещё нас не заметил, – начал уговаривать брата Коул.

– Нет, – возразил Тинн.

– Давай сделаем как в последний День благодарения, – предложил Коул, и глаза его заблестели. Он выглянул из-за ствола дерева.

– В последний День благодарения нам запретили выходить из дому на целую неделю, – прошипел Тинн. – И у меня до сих пор на башмаках следы домашнего клюквенного соуса.

– Хорошо. Тогда не *совсем* так, как в прошлый День благодарения. Он не смотрит – давай!

Коул перебежал через дорожку и укрылся за другим деревом, ещё на двадцать футов ближе к саду Старого Джима.

Тинн нервно сглотнул. Он выглянул из-за дерева и поглядел на дорожку. Старый Джим всё ещё смотрел в другую сторону, копаясь в старом деревянном ящике. Тинн почувствовал, как у него привычно начинает крутить живот. Он посмотрел на Коула. Он почти чувствовал энергию, которая бурлила в его брате и вырывалась наружу. Коул пригнул голову. Если бы он был кошкой, его хвост дёргался бы сейчас из стороны в сторону. Он с воодушевлением показал Тинну большой палец, и тому потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться: это бы ещё больше раззадорило брата. Коул всегда осуществлял задуманное, а если Коул что-то делал, то это делал и Тинн.

Двигаясь как можно тише, он вышел из-за дерева.

Старый Джим повернулся.

– Кто здесь? – спросил фермер, выпрямляясь.

– Да это я, – откликнулся Тинн, стараясь идти как можно беспечнее. Он споткнулся и нервно засмеялся. Ладони его уже вспотели. Как он обычно двигает руками при ходьбе? Точно не так, как сейчас.

– Кто «я»? – сердито переспросил старик.

Боковым зрением Тинн увидел, как Коул улыбнулся ему, прежде чем исчезнуть за кустом.

– Это Тинн, сэр, Бёртон, сын Энни Бёртон. Просто гуляю. Хм, как поживаете, сэр?

Глаза Старого Джима сощурились.

– А где твой брат?

– Он... дома, – соврал Тинн.

– Хм. Вы двое не разлей вода. – Старый Джим оглядел дорожку. Тинн был уверен, что его взгляд задержался у куста, где прятался Коул.

– Он испугался, – выпалил Тинн. – Он испугался и убежал домой.

Кустистые брови Джима приподнялись, и он снова повернулся к Тинну.

– Да? Испугался чего?

– Э... того, что мы увидели, когда недавно играли у Дикой Чащи, – нашёлся Тинн и тут же понял, что выбрал правильный путь. Подбородок фермера выдвинулся вперёд, он

вскинул голову. Никто в городе не знал больше историй о том, что скрывалось в Дикой Чаще, чем Старый Джим.

– Да? Ну и что вы там такого увидели?

Тинн подошёл поближе, чтобы взгляд Старого Джима был направлен на него и оказался подальше от Коула.

– Э-э-э, хм, я точно не знаю, сэр. Что-то... высокое!

Слова вдруг застряли у него в горле, когда Коул на цыпочках перешёл лужайку всего в десяти футах за спиной Старого Джима.

– Высокое?

– Высокое. Да, сэр, высокое. С, хм, глазами. Коул сильно испугался. Он прямо паникует, когда видит что-то такое. Он такой трусишка. Как маленький ребёнок.

Коул из-за спины Старого Джима показал Тинну язык и молча перемахнул через забор. Тинн попытался не провожать Коула взглядом, а тот тем временем проскользнул за ближайшее дерево в саду.

– А ты не испугался? – удивился старик.

– А? – растерялся Тинн. – Нет. То есть... мне не страшно. Уверен, там ничего и не было. Я не боюсь леса.

– А стоило бы.

Глаза Старого Джима сверлили Тинна до тех пор, пока тот не почувствовал себя неуютно.

– Ты когда-нибудь заходил в этот лес?

– Конечно, – кивнул Тинн, нервно улыбаясь. – Много раз. Мама разрешает нам собирать лавровый лист у старого мо-

ста.

– Я не говорю об опушке, парень. Я имею в виду настоящий лес. Там живут создания, о которых ты не узнаешь из школьных учебников. Ты когда-нибудь доходил до Кривото-пи?

Тинн покачал головой. Поверх плеча Джима ему был ви-ден Коул, взбиравшийся на яблоню. Мальчик сглотнул и сно-ва покачал головой.

– Кривотопь – это такое болотистое место, правильно?

Надо было продолжать говорить, чтобы он не переключал внимание.

– Кривотопь – это тебе не обычное болото, парень, – воз-разил Старый Джим. – Она схватит тебя, перевернёт, зата-щит вниз. И это не всё. Топь разделяет Дикую Чащу надвое. Уже на этой стороне полно всяких неприятностей, но чем дальше, тем хуже. Если тебе удастся перебраться через Кри-вотопь, лес станет ещё гуще. Деревья растут ближе друг к другу. Дровосеки, которые раньше тащили срубленные де-ревья через эти места, называли ту часть Глубоким Мраком. Если даже им удавалось найти дорогу на ту сторону топи, они предпочитали не брать деревья из Глубокого Мрака. Эта древесина проклята. Этот лес меняет людей. Человек не воз-вращается из Глубокого Мрака таким, каким ушёл туда.

Глаза старика снова впились в Тинна.

– А вы были когда-нибудь в Глубоком Мраке, сэр? – Голос Тинна опустился до шёпота.

Ледяной взгляд Старого Джима застыл, а его губы сложились в усмешку.

– В самом сердце Дикой Чащи, за Кривотопью, в самой густой части Глубокого Мрака, говорят, есть гнездо, свитое из колючих лиан, таких твёрдых и острых, что они хватают каждого, кто имеет глупость попасться им в лапы. Даже свет не проходит через эти заросли.

Тинн толком даже не заметил, как Коул перелез на ветку яблони позади Джима. Забытая кепка Тинна висела в нескольких дюймах от пальцев Коула.

– Так вот, – заключил Старый Джим, хлопывая свой ящик с инструментами, – в следующий раз, когда твой брат решит, что он испугался из-за того, что кто-то смотрит из этого леса, и побежит домой, ты поступишь мудро, если побежишь вместе с ним.

Взгляд Тинна переместился со старика на Коула, который внезапно свесился с ветки на всеобщее обозрение с зажатой в кулаке кепкой. Он победно заулыбался и замахал Тинну кепкой так, что едва не выронил её. Несколько секунд он раскачивался как сумасшедший, но потом снова схватился за ветку обеими руками.

Старый Джим втянул носом воздух и сплюнул, а потом начал поворачиваться назад, в сторону сада. Коул замер на том месте, где висел.

– Подождите! – вскрикнул Тинн.

Старый Джим остановился и приподнял кустистую бровь.

– Как, хм, как *вы* думаете, что это было? – спросил Тинн. – Как вы думаете, что это смотрело на нас из леса?

– Хм, – Джим глубокомысленно вздохнул, – всякие упыри и прочая нечисть водятся в этих лесах. Люди поговаривают, что, когда основатели приехали в Эндсборо, они привезли с собой духов из старой страны.

– *Духи из старой страны* – звучит не так уж плохо.

– У основателей были причины *уйти* из старой страны, парень. Так или иначе, но было бы намного хуже, если бы на тебя из Дикой Чащи смотрела королева.

Тинн содрогнулся. Он терпеть не мог эти истории. Королева Глубокого Мрака. Мать Монстров. Ведьма Дикой Чащи.

– Некоторые говорят, что она ест потерявшихся детей, – продолжал Джим. – Другие утверждают, что она превращает их в диких животных. Некоторые верят, что она может сама превратиться в дикое животное, когда захочет, а её накидка становится шкурой огромного зверя. Другие считают, что много лет назад она посадила непроходимые заросли или что ползучие лианы – это её ужасные пальцы, которые пытаются схватить мальчиков и девочек, слишком далеко забредающих в её лес.

Ветка дерева треснула, как ружейный выстрел, и Тинн подпрыгнул. Сердце его колотилось. Он перестал следить за Коулом и теперь нигде его не видел.

Старый Джим нахмурился, повернулся и направился в

сад. Тинн открыл и закрыл рот, но ничего не мог придумать, чтобы задержать фермера. Мучительно, шаг за шагом Старый Джим приблизился к дереву. Потом обошёл вокруг, затем в другую сторону.

– Проклятые олени, – выругался он. – Только сегодня утром повалили забор. Видно, они опять пытаются полакомиться моими яблоками.

Тинн выдохнул.

– Привет! – раздался голос из-за его спины.

Тинн снова подпрыгнул, второй раз. Коул со смехом бежал к ним по дорожке.

– Коул, я – ты...

– Я только что пришёл. – Коул подмигнул. – Из дома.

– Верно. Да! Ведь ты был дома.

– Я принёс тебе твою кепку, тупица. Нам надо бежать.

– Верно. Ну да. Тогда желаю вам хорошего дня, сэр. И мне жаль насчёт... оленей.

Старый Джим что-то проворчал и покачал головой, глядя на убежавших мальчишек.

Глава 4

– Ты почти попался, – заметил Тинн, толкнув брата в плечо. – *Мы* почти попались!

Коул рассмеялся.

– Только так и интересно – чтобы почти попасться.

– Нет, куда интереснее *вообще* не попадаться. И куда как не так страшно. Мне как-то не по себе от Старика Джима.

Пока они шли по краю леса, Тинн не мог отвести глаз от опушки.

– И как это тебе удаётся всё время испытывать судьбу?

– Не знаю. – Коул поддел башмаком комок земли. – Просто самому себе здорово доказывать, что ты можешь. Как будто ты особенный. А ты никогда не чувствовал, что внутри тебя что-то сидит, и ты просто хочешь... – Коул не договорил. – Ну, ты знаешь.

Какое-то время они шли молча.

Тинн знал. Все знали. Они знали, но при этом *не знали*. Мальчики выросли в окружении разговоров про фейри и фантастических созданий – и лучше всего им была известна история о них самих, о том, что пряталось в одном из них. Иногда Тинн мог поклясться, что он чувствовал, как это самое что-то покалывало прямо у него под кожей. Иногда Коул был уверен, что оно гудело в его руках и ногах. Оба они гадали, кто из них был тем самым. Оба они переживали.

– Иногда я просто хочу быть особенным, – произнёс Коул внезапно. – Я хочу быть героем, как Гераклес, совершавший все эти подвиги, о которых нам надо было читать на уроках миссис Сильвы. Я просто хочу доказать, что могу совершить – ну, не знаю – что-то большое и страшное.

– Гераклес тоже был одним из двух близнецов, – вспомнил

Тинн. – У него был брат по имени Изоскелес, кажется. Нет, Ификл.

– Мне кажется, я эту часть не читал, – ответил Коул. – А его брат тоже отправлялся на всякие классные приключения – убивать чудовищ и всякое такое?

– Хм... не думаю, – признался Тинн. – Может быть. Он не был полубогом, как Геркулес. Я думаю, он был просто человеком.

Перед ними показался ручей, и Коул начал на ходу подбирать гальку. Тинн тоже наклонился, чтобы поднять несколько камушков.

– Как думаешь, ему хотелось? – спросил Тинн.

– Кому чего хотелось? – не понял Коул, выбирая куски коры из груды камней.

– Брату. Как думаешь, ему хотелось убивать чудовищ и всё такое?

– Конечно, хотелось. Почему же не хотелось? – удивился Коул.

– Ну, я имею в виду: Геркулесу не хотелось всё это делать, так ведь? Он не хотел бороться со львами, убивать амазонок или выгребать какашки из старой конюшни. Он это делал, чтобы искупить вину за очень плохие поступки в прошлом. Он просто мечтал вернуться домой. Не думаю, что ему вообще хотелось быть героем. Скорее всего, он просто не хотел быть чудовищем.

Какое-то время они прислушивались к звуку собственных

шагов на пыльной дорожке.

– Геркулес не выгребал какашки, – сказал Коул.

– Выгребал. Это был один из подвигов.

– Мерзко, – рассмеялся Коул.

– Сам ты мерзкий.

Они подошли к мосту, и Коул кивнул.

– Готов?

Тинн перебрал камушки на ладони.

– Три... два... один...

Они подбросили все камушки высоко в воздух и стали смотреть, как они падают в ручей с приятным звуком: *плип-плип-плип-пипи-плюх-плип-плун*. Коул перегнулся через ограждение, чтобы посмотреть на мать, поднывающую со дна под поверхностью воды.

– Может быть, Геркулесу больше понравилось бы совершать свои подвиги, если бы он мог взять с собой брата, – предположил Коул.

Тинн не ответил. Он смотрел на лес. В тот самый миг, когда они бросили камушки, он что-то заметил. Там, в тени деревьев на краю леса, сквозь просвет между листьями широкого куста, на них смотрела пара глаз. Куст зашевелился, а потом замер. Тинн сглотнул. Ему захотелось домой.

Глава 5

Торопливо пробираясь между деревьями, Кулл вертел в руках маленький квадратик пергамента. Он уже столько раз складывал и разворачивал его, что тот стал мягким по краям.

Он оказался не таким тяжёлым, каким должен был быть. Всего лишь бумага и чернила – но то, что там было написано, уже давно тяготило его, словно кусок свинца в груди. Сколько ночей он смотрел на этот листок бумаги, примостив подбородок на сжатый кулак и макая перо в чернильницу! Сколько книг и свитков он собрал, пока писал: гоблинские сказания, человеческие истории и даже несколько преданий фейри – их стопки, груды, кучи высились вокруг него! Голова Кулла всё ещё болела от учения. Гоблин всегда считал себя способным справиться с любыми проблемами, но предпочитал такие, которые можно решить обычным способом: силой, воровством или бегством. Но эта проблема была другого рода. Для неё требовались *слова*!

Кулл остановился под деревом, обвитым лианами, и глухо вздохнул. Вокруг него жужжали мошки, и прямо за кустами журчал ручей. Он почти дошёл до человеческой деревни, когда впереди послышались голоса. Кулл знал эти голоса лучше, чем свой собственный. Как можно тише он подполз к краю опушки.

Одной рукой он осторожно раздвинул листья и выглянул между ними. Мальчики стояли на мосту. Он не мог разобрать их слова из-за шума воды, но вся ситуация была хорошо знакома. Он наблюдал за близнецами из кустов в течение всей их жизни.

Через несколько минут они уйдут с моста и отправятся дальше по извилистой тропинке, мимо толстого дуба. Они

всегда останавливались у большого дуба по пути домой. Они называли его своим деревом для лазания. Рука Кулла, в которой он держал записку, вспотела. Дерево – вот где он оставит послание.

Внезапно мальчики разом бросили пригоршни гальки в воздух, и Кулл вздрогнул. Скоро они пойдут дальше. Он отпустил листья, чтобы они вернулись на прежнее место, и бросился бегом через лес так быстро, как только позволяли его гоблинские ноги. Он должен был оказаться у этого дерева раньше них.

Слова. Кулл учил человеческие слова многие месяцы. Другого выхода не было. Дети игнорировали все записки, написанные по-гоблински, которые он многие годы оставлял для них.

Однажды, когда мальчикам было семь лет, он набрался смелости и вырезал целое послание на их подоконнике – ясное как божий день. Мальчики водили пальцами по его аккуратной гоблинской надписи и громко рассуждали, что, скорее всего, это кошка оказалась на улице и расцарапала когтями доску, пытаясь залезть внутрь через окно. Если бы только Куллу было позволено выйти за опушку и поговорить с детьми напрямую! Но он был связан клятвой на крови, и, хотя правила он мог нарушать сколько угодно, отменить её не представлялось возможным.

Человечий английский язык был достаточно прост. Каждый гоблин знает, как торговаться на всех семи священных

коммерческих языках, ещё до достижения возраста, когда разрешается играть в азартные игры. Но писать – это другое. Писать трудно. Но мальчики должны узнать то, что знал он. Они должны поверить ему. Куллу было нужно, чтобы они поверили ему.

И в конце концов он написал послание по-человечьи, используя слова, которыми пользовались люди. Это были хорошие слова, он точно знал. Он взял их из книг и выучил наизусть, как писать их этим странным, округлым человеческим алфавитом.

Он нацарапал их пером на жёстком пергаменте, беззвучно шевеля губами и медленно выводя каждую букву. «Когда-то, давным-давно...»

Эти слова звучали значительно.

* * *

– Думаешь, это действительно была ведьма? – спросил Кул. – Думаешь, Королева Глубокого Мрака смотрит на нас?

Он перекинул ногу на первую ветку узловатого дерева для лазания, подтянулся и сел.

– Нет, – ответил Тинн. Он жалел, что рассказал брату о том, что видел в лесу, или о том, что он думал, что видел. Он слишком долго слушал Старого Джима. – Наверно, ничего там не было.

Мальчик обхватил руками ветку и вскарабкался наверх,

оказавшись рядом с Коулом.

– Думаешь, она существует? – спросил тот. – То есть, если даже ты её не видел, думаю, она всё-таки где-то там есть, верно? Столько людей рассказывали о ней. Это значит, что она, наверно, существует, так ведь?

– Не знаю. Не думаю. Если бы я был ведьмой, мог творить чудеса, летать на метле и всё такое, я бы не тратил время на то, чтобы красть детей, уничтожать посевы и всякие прочие вещи.

– Я знаю нескольких человек, которых превратил бы в лягушек, – признался Коул.

– Эй, а это что такое? – Тинн показал на небольшое дупло в середине дерева. Из него торчал кусок бумаги цвета коричневой пыли. Мальчик почти принял его за лист дерева.

– Ещё один? – Коул выдернул его. Уже почти год прошёл с тех пор, как последний кусок пергамента очутился на дереве, весь покрытый маленькими чернильными царапинками. Мальчики провели всю вторую половину дня, представляя, что это был секретный код и что они – на самом деле шпионы, способные разгадать его. Когда они показали пергамент матери, та решила, что это просто чья-то использованная промокательная бумага.

– Ух ты, – выдохнул Коул, – на ней наши имена.

Тинн пробежал взглядом по пыльной дороге, потом по теням в лесу. Больше никого не было видно. Только Коул, он сам и сучковатое дерево для лазания.

И записка.

Коул развернул её.

– Как думаешь, кто её оставил? – прошептал он.

– Что в ней написано? – Тинн перегнулся через плечо брата и всмотрелся в неровный почерк.

«Однажды, давным-давно, был ребёнок, который гоблины пришли украсть, и однажды, давным-давно, был ребёнок, которого гоблины оставили...»

* * *

Сердце Кулла колотилось. Поверх широких листьев раскидистого папоротника он смотрел, как близнецы развернули его записку. Забывшись, он стал произносить вслух слова, которые они читали.

Однажды, давным-давно, был ребёнок, который гоблины пришли украсть, и однажды, давным-давно, был ребёнок, которого гоблины оставили. Однажды, давным-давно, был дурак, который думал, что он знает больше всех, и однажды, давным-давно, были дети, которым нужно было узнать больше.

Во-первых, маленький человек – это был я. Я попытался похитить тебя, продать тебя фейри и сожалею об этом. Хотя, надо признать: тебе бы там очень понравилось, это

решило бы множество проблем и на самом деле это была отличная идея – если бы только мне не помешали.

В-следующих, маленький перевёртыш, ты должен вернуться в орду. Гоблин не должен так долго жить без своего рода и племени. Удивляюсь, что ты до сих пор не зачах и не умер, – но, если не вернёшься как можно скорее, ты точно умрёшь. Мы все умрём – каждое создание в Дикой Чаще.

Наша последняя надежда – на церемонию при следующей Луне Над Завесой. Если ты не воссоединишься с ордой до этого времени, будет слишком поздно. Магия в Дикой Чаще умрёт. Орда умрёт. Ты умрёшь. Много смертей.

Завтра с первыми лучами солнца отправляйся по гоблинской тропе к орде, что рядом с Полой Скалой. Иди быстро. Не мешкай. Не отклоняйся от дороги. Может быть, возьми немного еды. Ни при каких обстоятельствах не бери с собой людей, которых ты не хотел бы увидеть мёртвыми.

Прячась в тени, Кулл глубоко вздохнул. Мальчики вертели бумажку в руках и бросали друг на друга серьёзные взгляды. Он отошёл глубже в тень и прислонился к дереву. Дело сделано. Наконец они знали то, что знал он. Вернее... они знали достаточно из того, что знал он.

Его перевёртыш придёт.

Глава 6

Пара карих глаз наблюдала за тем, как мальчики спустились с узловатого дерева и помчались назад по дорожке. Один из близнецов всё ещё изучал бумажку, а другой через

каждые несколько шагов оглядывался на опушку леса. Глаза смотрели и на маленького горбатого гоблина, убежавшего обратно в лес, привычно наступавшего на покрытые мхом кочки, чтобы заглушить свои шаги. Многие годы эти глаза наблюдали за тем, как гоблин наблюдал за этими мальчишками, – но сегодня что-то было по-другому. Что-то изменилось. Это витало в воздухе. Солнечный луч пробился сквозь покров листьев, и карие глаза на мгновение засветились золотым светом. Под глазами расплылась улыбка. Начиналось что-то новое.

– Это всё не по правде, – заявил Коул, когда они огибали последний поворот тропинки. – Скорее всего, это просто Эдгар из школы.

– Немножко похоже на правду, – возразил Тинн. Он в сотый раз перевернул письмо, чтобы изучить маленькую схему на обороте. – Если бы это *было* по правде, ты бы пошёл?

– Через Дикую Чашу? – переспросил Коул. – Через Кривотопь? На ту сторону Глубокого Мрака?

Он задумался.

– Может быть. Но только если мы пойдём вместе. Я думаю, мы сможем.

– Но даже если мы переберёмся через лес, – продолжал размышлять вслух Тинн, – что случится, когда мы дойдём до гоблинской орды? Я не хочу оказаться единственным человеком посреди тучи гоблинов. В записке сказано: не приводить никаких людей. А гоблины едят людей? Они съедят

одного из нас?

– Не думаю, чтобы гоблины ели людей, – покачал головой Коул. – Но если это по правде и если мы *не* пойдём, похоже, что один из нас всё равно умрёт.

Мальчики надолго замолчали.

– Это не по правде, – проговорил Коул ещё менее убеждённо, чем в первый раз.

– Немножко похоже на правду, – признал Тинн.

* * *

Когда Энни Бёртон пришла уложить своих мальчиков в кровать, они уже лежали там, натянув одеяло к подбородкам, и тихо ждали. Как любая хорошая мама, она сразу заподозрила неладное.

– Так, что вы натворили?

– Ничего, – ответили они хором.

– Тогда что собираетесь натворить?

Они оба заколебались.

– Эге, – протянула Энни, – не знаю, как вы, но, если бы я была мальчиком, у которого на носу день рождения, я бы велла себя исключительно хорошо в надежде, что моя невероятно терпеливая мама сочтёт возможным отдать мне подарки, которые она заказала три недели назад и которые прятала с тех пор, как их привезли.

– А они уже здесь? – не удержался Коул. – А где?

– Не проведёшь, парень, – усмехнулась Энни. – Они спрятаны там, где ни один из вас никогда не додумается искать.

– В коробке из-под шляп у задней стенки твоего шкафа? – предположил Тинн.

Энни поджала губы.

– К утру они будут спрятаны там, где вам никогда не придёт в голову искать. И смотрите, не испортите себе день рождения. А не то я *отправлю* ваши подарки назад.

– Ты всегда говоришь, что ты их отправишь назад, но никогда так не делаешь, – хитро улыбнулся Коул.

– Ты доиграешься.

– Слушай, мам, – спросил Тинн, – откуда ты так точно знаешь, что у нас одинаковый день рождения?

Энни глубоко вздохнула. Она уже давно решила для себя никогда не лгать своим детям. Во всяком случае, не лгать прямо. Если кто-либо в деревне и имел право знать их историю, то это были они двое – правда, на самом деле в деревне не было никого, кто *не* знал бы их истории.

– Ну, я этого точно не знаю, – ответила она. – Помню только, как родился один из вас. А почему вы спрашиваете? Надеетесь на двойной торт?

– Нет. Вообще-то, раз ты сказала, то да. Но нет.

– Что бы ты сделала, – спросил Коул, – если бы узнала, кто из нас *он*?

– Если бы я узнала, кто из вас гоблин? – переспросила

Энни.

Они разом кивнули, внезапно посерьёзнев.

– Хм, хороший вопрос. Не могу же я разрешить гоблину бегать здесь просто так, верно? А если этот безобразный негодник начнёт вытворять всякие гоблинские проделки: прятать венчик в ящике со льдом или менять местами солонку и сахарницу в тот момент, когда я начинаю готовить пирожные с повидлом?

– Ну, это было случайно, – протянул Тинн. – Почти.

– Хорошо. А если этот непослушный хулиган возьмёт мою чудесную скатерть и превратит своё дерево для лазания в пиратский корабль?

– Это была идея Тинна, – возразил Коул.

– Неправда.

– Ну ладно, это была моя идея, но Тинн помог.

– Я не помогал!

– Пусть, но он не сказал мне не делать этого, – выкрутился Коул. – И в итоге получился отличный парус, и я очень даже горжусь, как всё получилось. То есть я очень сожалею, и это больше не повторится.

– Ага, – подытожила Энни. – Так ты спрашиваешь, что бы я сделала, если бы точно знала, кто из вас гоблин?

Она поцеловала Тинна в макушку, потом перешла по ковру на другую сторону и поцеловала Коула.

– Я бы разузнала, в какой день родился мой маленький гоблин, и испекла торт специально для него. А потом при-

прятала его подарки ещё лучше, потому что, как выясняется, старая коробка для шляп у задней стенки моего шкафа – это первое место, где вы, разбойники, будете искать.

– Так ты же спрятала их там в прошлом году, – пояснил Коул.

– Вы неисправимы, – вздохнула Энни.

– Что такое *неисправимы*? – спросил Тинн.

– Это значит – марш спать, – отрезала Энни. – Пока вы выглядите как мои дети, разговариваете как мои дети и – помогите мне, Господь! – попадаете во всякие передраги как мои дети, вам придётся мириться со мной как с вашей мамой, и как ваша мама я говорю, что пора выключать свет и ложиться спать.

– Спокойной ночи, – произнёс Тинн. – Я люблю тебя.

– И я тоже тебя люблю, – проговорил Коул. – Спок нок.

– Хороших снов, мои маленькие гоблины, – улыбнулась Энни Бёртон. – Вам нужно хорошенько отдохнуть. Завтра будете помогать мне в саду.

Как только она закрыла дверь, услышала шёпот Тинна в тишине спальни:

– Хуже всего – не знать.

– Как думаешь, папа ушёл из-за того, что не знал? – так же шёпотом откликнулся Коул.

Энни вздрогнула. Поколебавшись, она прижалась ухом к двери.

– Нет. Мама говорит, что он никогда не оставил бы нас,

если бы ему не пришлось так поступить.

– Но он ведь ушёл, – возразил Коул. – Он ушёл из-за нас.

– Ты это не можешь знать наверняка. Может быть, он всегда собирался вернуться. Может быть, он ушёл искать ответа, как говорит Старый Джим.

– Старый Джим ничего в этом не понимает. Если бы папа собирался вернуться, разве он ушёл бы, не рассказав маме, куда уходит?

Тинн пожал плечами.

– А ты захочешь рассказать маме, если соберёшься сделать что-то глупое и опасное?

Коул задумался.

– Я бы как минимум оставил записку.

Энни Бёртон улыбнулась про себя и на цыпочках отошла от их двери со вздохом. Они всё-таки были хорошими мальчиками.

* * *

– Эй, Тинн! – прошептал Коул уже поздно ночью. – Ты не спишь?

– Не-а, – откликнулся брат.

– И я тоже, – продолжил Коул. – Ты думаешь о письме?

– Конечно, – ответил Тинн.

– И я тоже.

Какое-то время они молчали. За окном шелестели листья.

Письмо лежало в ночной тумбочке между их кроватями. Всего лишь тонкая бумажка, но в темноте казалось, она занимает всю комнату. Если *неизвестность* можно сравнить с маленьким камушком, то *возможность узнать* была целым булыжником.

– А если это я? – спросил наконец Коул.

Тинн уставился в потолок. Письмо обещало дать ответ на вопрос, который занимал их головы столько времени, сколько каждый из них помнил себя.

– Я не хочу, чтобы это был ты, – прошептал Тинн.

Коул сел и прислонился спиной к стене.

– А если это ты?

Тинн лежал без движения. Несколько секунд он даже не мигал.

– Не хочу, чтобы это был я, – выдохнул он.

Мальчики долго молчали. Цикады ритмично стрекотали на улице, и порыв ветра с шумом пробежал по листьям большого платана.

– Эй, Тинн! – снова прошептал Коул. – Если это я – если я... если ты – настоящий мальчик, а я – нет, – он сглотнул, – ты всё равно будешь моим братом?

У Тинна сжалось горло.

– Всегда.

Коул кивнул в темноте.

– Эй, Коул, – начал Тинн.

– Всегда, – откликнулся Коул.

Тинн сделал глубокий вдох.

– Мы это сделаем, так ведь? – произнёс он.

– Ну, если это действительно ты, я не собираюсь тут сидеть и смотреть, как ты умрёшь из-за того, что мы никуда не пошли, – заявил Коул. – Пусть лучше меня съедят в лесу. – Он сглотнул. – Знаешь, лучше *вместе*.

Тинн кивнул.

– Я тоже так думаю, – сказал он.

– Тогда решено, – проговорил Коул. – Ответы. Дикая Чаща. Рассвет.

Тинн кивнул. Ветер снова просвистел за оконной рамой.

– Так *ты* скажешь маме?

Коул прикусил губу.

– Может, ты?

Утром миссис Бёртон нашла записку.

Глава 7

Карта была простая и даже примитивная, но ориентиры, нанесённые рядом с краем леса, оказались достаточно знакомы. Секретная дорожка начиналась недалеко от дерева, на

котором мальчики нашли записку. Солнце ещё только поднималось над горизонтом, когда они подошли к тому месту, которое на карте было отмечено как начало тропы.

Коул взял с собой карманный ножик. Он был хороший и острый, но уже не настолько, как когда-то: это лезвие превратило в стружку бесчисленное количество палочек. Ещё он нёс свёрток из выцветшей жёлтой материи. Мама действительно испекла вчера вечером пирожные с повидлом и оставила их остывать на кухонном столе. Пока Тинн старательно писал записку, в которой объяснял, куда они идут, и просил её не волноваться, Коул сложил полдюжины слоёных пирожных на жёлтое выцветшее кухонное полотенце и завязал всё вместе в аккуратный узелок. Он держал его в руке, когда они пустились по дорожке в путь.

Из кухонного ящика Тинн взял спичечный коробок. В нём оставалось только четыре спички, но он решил, что его шансы разжечь костёр куда выше с четырьмя спичками, чем без единой. Этот коробок при каждом шаге слегка погромыхивал в кармане его штанов. А ещё Тинн держал карту.

– Если всё это по правде, – начал он, когда они прошли мимо узловатого дуба и вступили в высокую траву по направлению к опушке, – то на той стороне ручья должна начинаться тропинка.

– Так давай найдём её, – закончил Коул.

Они вдвоём прыгнули в воду и, выйдя на другой стороне, углубились в лиственные деревья.

По спине Коула пробежал лёгкий озноб. Он улыбнулся.

– Мы в Дикой Чаще, – прошептал он. – Незведанная территория, которой нет на карте.

– Ничего такого, – ответил Тинн, тоже шёпотом. – Мы всего в двадцати футах от того места, где болтаемся каждый день, и к тому же я держу в руках самую что ни на есть карту.

– Не сбивай настрой. Ты где-нибудь видишь тропу?

Тинн озирался среди деревьев, замшелых камней и диких цветов. В лесу оказалось много всего, непохожего на тропу. В какой-то момент у него даже возникла мысль, что никакой тропы вообще нет и что письмо с самого начала было подделкой. Ну конечно, нет никакой тропы, никакой неминуемой опасности, никакой гоблинской орды. Он уже начал предвкушать безмятежное утро с поеданием пирожных с повидлом под защитой их дерева для лазания, как вдруг его ноги уехали куда-то вперёд, поскользнувшись на пучке росистой травы, и он начал то ли падать, то ли проваливаться сквозь покров веток. Его сердце запрыгало в груди, но потом он смог восстановить равновесие и осмотрелся.

– Ух ты, – выдохнул Коул, присоединившись к нему.

Перед ними тянулась длинная извилистая тропа. Это была тонкая полоска, покрытая ковром из иголок и листьев, с высокими стеблями травы и ветками кустарника, свешивающимися с обеих сторон. В отличие от прямых, ровных городских дорожек, эта тропа заворачивала то в одну, то в другую сторону, гибая корнями и булыжниками волнистыми зигзагами.

– Похоже на тропу каких-то животных, – предположил Коул. – Может, олени?

– Может, – Тинн снова взглянул на бумажку, которую держал в руках. – Но здесь как раз и должна быть гоблинская тропа.

По телу Коула пробежал озноб. Он посмотрел на Тинна. Тинн чувствовал себя немного беспомощным. Он кивнул Коулу.

* * *

По мере того как солнце поднималось всё выше и выше, Коул думал, что, откровенно говоря, он ожидал, что таинственная гоблинская тропа будет немного таинственнее и выглядеть уж точно более по-гоблински. Уже прошло много часов, но на их пути всё ещё не было видно указателей в виде амулетов, свисающих с ветвей деревьев, или странных статуй, наполовину скрытых под землёй.

Они шли уже много миль по извилистой лесной тропинке, которая взбиралась на пологие холмы, пробиралась через тенистые долины и пересекала бурлящие ручьи. Местами тропинка становилась такой узкой, что они пару раз теряли её, но с помощью карты каждый раз находили снова. Коул время от времени вырезал своим карманным ножом неровную букву «К» на коре стоящих рядом с тропинкой деревьев на тот случай, если они потеряются и должны будут найти путь

назад, а ещё для того чтобы разнообразить утомительное путешествие.

Дикая Чаща оказалась не такой дикой, как следовало из её названия, но при этом она, несомненно, была живой. Мальчики слышали ровное жужжание насекомых и крики птиц, их щебетание и карканье. В зарослях они заметили лань, но та сорвалась с места, как только услышала их приближение. Ещё Коул увидел семейство белок, бежавших по ветвям. Тинн остановился у дерева, прорезанного глубокими бороздами от когтей.

– Как думаешь, здесь водятся горные львы? – спросил он.

– Вряд ли, – покачал головой Коул. – Здесь вроде и самих *гор* нет. Может, скорее, *холмовые* львы? Я что-то проголодался. А ты?

– Уверен, что водятся – не сдавался Тинн. – Пантеры, волки и всё такое.

Он почувствовал, как в груди стало тесно. Было ли это его воображение, или воздух в этой части леса стал более густым? Он раньше не замечал этого, но между деревьями плыл лёгкий туман, закручиваясь вокруг корней и обвивая их. Он взгляделся в карту и наконец нашёл значок, который отдалённо напоминал булыжник впереди. Если это и правда он, до Кривотопи осталось совсем немного. Гоблинский переход будет рядом.

– Давай остановимся, – предложил Коул. – Время уже обеденное. Хочешь пирожное?

Он присел на замшелое полено и начал возиться с узлом на свёртке из кухонного полотенца.

– Постой. Слышишь? – спросил Тинн. Он напряг слух. Мальчик мог бы поклясться, что слышал голос.

Коул замер и прислушался. Вдалеке раздавались тихий плеск и звук, похожий на жалобное мяуканье.

– Это человек или животное?

Мальчики обменялись тревожными взглядами. Коул встал. Когда они сошли вбок с гоблинской тропы, ни один из них не проронил ни слова.

С каждым их шагом туман становился всё гуще, а земля – мягче. Они шли на стонающий голос всё дальше в лес, пока наконец деревья не расступились по краям широкого топкого болота.

– Я думаю, мы нашли Кривотопь, – предположил Тинн. – Фу, ну и вонь. Пахнет как подмышки и мокрый опоссум.

– Смотри! – показал Коул.

В десяти футах от них какое-то животное пыталось удержать голову над поверхностью жижи. Это оказался небольшой зверёк. Он выглядел коричневым или чёрным, под слоем покрывавшей его болотной грязи сказать точно было трудно. Его отчаянные крики стали громче, когда он увидел мальчиков.

Коул шагнул ближе и тут же увяз по щиколотку в топком торфе. Он вытащил ногу с влажным чмокающим звуком.

– Как вообще эта зверушка забралась так далеко?

Массивные корни стоящего рядом дерева спускались в жижу, словно толстые верёвки, вылезали наружу и снова погружались, пока наконец не достигли маленького мокрого островка всего в нескольких футах от застрявшего в трясине зверька.

– Сюда, – указал Тинн.

Он засунул карту в карман и медленно сделал несколько шагов по скользким корням, изо всех сил стараясь поддерживать равновесие, пока наконец не подобрался к несчастному созданию настолько близко, насколько это было возможно.

– Думаю, это детёныш, – заметил он через плечо, – медвежонок. Попробую ухватить его.

– Осторожно! – вскрикнул Коул.

Медвежонок удвоил усилия, когда Тинн попытался дотянуться до него, но он был слишком далеко, и вся эта возня только подняла ещё больше жидкой грязи, которая почти захлестнула животное.

– Не могу дотянуться, – прохрипел Тинн.

Коул огляделся и нашёл крепкую упавшую ветку. Она уже подгнила, но, по крайней мере, была толстой и не развалилась на кусочки, когда он попробовал ударить ею по стволу дерева.

– Вот, возьми это!

Он осторожно проследовал за братом, ступая по неровным корням, которые утонули ещё глубже под их общим ве-

сом, так что их башмаки целиком погрузились под воду. Когда до Тинна уже можно было дотянуться, Коул передал ему ветку.

Тот протянул её испуганному медвежонку. Малыш несколько раз отчаянно попытался ухватиться лапами за ветку, потом наконец зацепился, радостно вонзив когти в дерево, и потянул. От толчка Тинн почти упал в трясину, но Коул схватил его за руку. Вместе они стали изо всех сил тянуть медвежонка на сушу, дюйм за дюймом, но при каждом шаге густая смесь из торфа, ила и грязной воды тащила их назад.

Когда они наконец переместили медвежонка на твёрдую землю, тот отряхнулся, как мокрая собака, обдав жидкой грязью траву, деревья, мальчиков и всё остальное в радиусе десяти футов, а после этого свалился на землю.

Тинн усмехнулся и вытер грязь с лица.

– Пожалуйста, – улыбнулся он медвежонку.

Коул переложил свой свёрток, сделанный из кухонного полотенца, из одной руки в другую и вытер ладони о рубашку. Его штанины были мокрыми до колен.

– Я так понимаю, что ни одно доброе дело не проходит бес...

Он замер. Кровь отхлынула от его лица.

– Что? – Тинн повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как широкая тёмная тень за его спиной поднялась на двух могучих волосатых лапах. Это была гора густого коричневого меха с чёрным как смоль носом. Чёрные губы раз-

двинулись над длинными острыми клыками. Это был самый огромный зверь, какого близнецы когда-либо видели.

Какое-то время ни один из них не осмеливался даже моргнуть. Медведь посмотрел вниз, на мокрого медвежонка, который лежал неподвижной меховой кучкой между двумя мальчиками, и его покрытая шерстью грудь расправилась от длинного вдоха.

Он заревел.

Медведь испустил такой глубокий, нарастающий, пробирающий до костей рёв, что Тинн и Коул почувствовали его глубоко в желудке. Звук отозвался там эхом, растревожив те нервы, которые обычно включаются при падении плашмя на спину или пробуждении от кошмара. Мальчики не стали падать плашмя на спину или отчего-то там просыпаться.

Мальчики побежали.

Глава 8

Энни Бёртон проснулась, когда солнечный свет начал забираться на её подо-конник. Она потёрла рукой глаза и потянулась. В доме стояла тишина. Она протопала ногами в чул-

ках мимо комнаты мальчишек. Им можно было ещё поспать. Уже много дней назад они пообещали ей помочь расчистить сад от оставшихся стеблей ежевики, но она хотела сначала насладиться чаем, а потом разбудить их, накормить обильным завтраком и уже потом объявить, что пора приниматься за работу.

Энни наполнила медный чайник и засунула пару тонких сухих поленьев в пузатую печку. Потянулась в ящик за спичками, но коробка там не было. Поискала глазами на кухонном столе и заметила, что горка пирожных с повидлом значительно уменьшилась: «Вот негодные паршивцы!»

– Мальчики! – крикнула она в сторону коридора. – Я знаю, что вы вчера вечером не угощались моими пирожными! Знаю, что я не вырастила двух маленьких хитрых воришек, которые не уважают...

Энни ворвалась в их комнату. В ней присутствовало полное отсутствие мальчиков. Она стиснула зубы.

– Мальчики! – завопила Энни, высунувшись из двери на улицу. – МАЛЬЧИКИ!

– Они что, уже с утра принялись безобразничать, Энни? – поинтересовалась миссис Граус через дорогу, расплёскивая воду из лейки на свои тапочки. – Это на полчаса раньше, чем вчера.

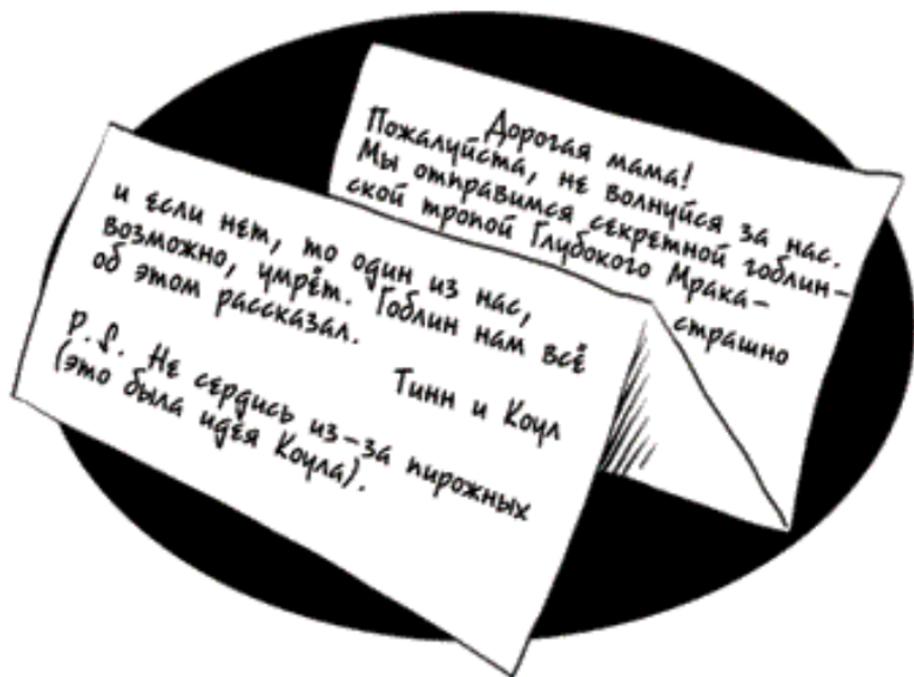
– Не обращай внимания, Хелен.

Энни кинулась обратно в дом.

Эти мальчишки теперь должны будут ей намного боль-

ше, чем выпалывание сорняков. Как только она доберётся до них...

Она опёрлась о столешницу обеими руками и вздохнула сквозь зубы. Всего один день. Всего одно *утро*. Неужели одна чашка горячего чая до того, как эти дьяволята примутся безобразничать, – это слишком много?

По всему столу были рассыпаны крошки от пирожных. И ещё лежала записка. Энни выпрямилась. Она подняла маленький листок бумаги и прочитала его. Это был почерк

Тинна – обычно более аккуратный, чем у Коула, – но он подписался за них обоих.

Она перечитала записку.

Энни Бёртон надела ботинки.

Энни Бёртон не стала наливать чай.

Глава 9

Казалось, лёгкие Коула готовы разорваться. Они с Тинном бежали так быстро, как только могли, пробираясь через листья и свисающие лианы, перескакивая через камни и упав-

шие деревья, пока не перестали слышать, как огромные медвежьи когти царапают кору деревьев и кромят ветки за их спинами, – и после этого они бежали ещё и ещё.

Тинн упал, задыхаясь, у подножия сосны. Коул повалился спиной на холодную землю посреди поляны. В течение нескольких минут они просто дышали.

– Это... был... не... – проговорил, тяжело дыша, Коул, – горный лев.

Тинн покачал головой и бросил в брата сосновую шишку. Коул невольно усмехнулся. Тинн чувствовал, что его сердце успокаивается.

Через несколько минут Коул грустно вздохнул.

– Жаль, что я упустил пирожные, – проговорил он.

– Ты не виноват. У тебя были более важные... стой! Нет!

Тинн пошарил в карманах. Он вытащил спичечный коробок и немного катышков из ниток.

– О нет, пожалуйста!

Он вывернул все карманы и вскочил с земли, усыпанной сосновыми иголками, оглядывая всё вокруг.

– Нет, нет, нет!

– Что? Что случилось? – Коул тоже вскочил.

– Карта! – закричал Тинн, стуча головой о ствол дерева. –

Она пропала!

Он снова бессильно упал на землю.

– Она, наверное, выпала у меня из кармана, пока мы бежали.

Тинн чувствовал, как его глаза наполнились слезами, но сдержал их. Он опустил голову, чтобы Коул не видел его глаз.

– Эй, да ладно, – постарался успокоить его Коул. – Просто нам... просто мы должны будем сами найти путь, вот и всё. Через Кривотопь есть проход, правильно? Мы сможем его найти.

У него в животе явственно заурчало.

– И что-нибудь поесть? – неуверенно произнёс Тинн.

– Мы можем найти и еду. Люди всегда находили еду в лесу: грибы, орехи и всякое такое. Там, в болоте, были камыши – я слышал, их можно есть. Эй, смотри! Вон там. Думаю, это черника.

Коул перёсек поляну и сорвал с низкого куста ягоду тёмно-фиолетового цвета.

– Да, черника. – Он осторожно понюхал её. – Я почти уверен.

Он почти засунул в рот одну из крупных ягод, как вдруг позади раздался голос.

– Пожалуй, вам не стоит есть эти ягоды.

Мальчики развернулись. В десяти-пятнадцати футах над ними на толстой ветке сидела девочка с ярко-карими глазами, примерно их возраста, может, чуть младше. Её волосы представляли собой спутанную копну выющихся прядей, в которых застряли веточки и листья, а платье являлось не более чем куском парусины, хоть и с долей шика. Оно выглядело так, будто его выкрасили чернилами, сделанными из гря-

зи высшего качества.

– От этих ягод вы будете много пукать, блевать и, может быть, умрёте, – добавила девочка, беспечно болтая ногами и откусывая слоёное пирожное.

– Ты откуда взялась? – спросил Тинн.

– Постой, – опешил Коул. – Ты где их взяла? Они ведь наши!

– Я знаю. Вы их уронили. Они вкуснющие, – заявила девочка и засунула остатки пирожного в рот. – Вот так! Больше нет!

– Ты следила за нами? – не унимался Тинн.

– М-м-м, хм, – проговорила она, кивнув, и крошки посыпались с её подбородка. – Уже довольно долго.

– Ну так переставай, – потребовал Тинн. – В любом случае тебе не стоит забираться так далеко в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.